

Скелет в шкафу

Автор:

Галина Щербакова

Скелет в шкафу

Галина Николаевна Щербакова

Юрай #2

Роман «Скелет в шкафу» – своеобразное продолжение повести, в котором неприятности валятся уже на голову самого Юрая, чудом избежавшего смерти...

Галина Щербакова

Скелет в шкафу

...Тогда не было боли... ТАМ было легко... ТАМ было спокойствие... И было знание... Без всех этих слов. И то, что он прибегал к словам, уже было дурно, уже было возвращением, а он рвался обратно – в знание без боли и муки, а они тащили его, тащили – в неподвижность, в страдание, в сутолоку слов и пронзающих воспоминаний.

– ... эскулапы чертовы... Е...ые ваши души...

– ... прорывается мужичок, прорывается...

– ... говно вы, а не врачи... говно...

– ... приплывает к родному берегу, приплывает...

- ... на хер, на хер: ваш берег...
- ... ну, знаешь... другого нету...
- ... суки...
- ... среди нас дамы, Юрай...
- ... дамы-суки...
- ... в этом что-то есть...
- ... отпустите... сволочи... больно...
- ... жить, старик, вообще больно... Выплыл - терпи...
- ... сволочи...

Его трогали три разные руки. Не считая медицинских. Одна пахла сухой травой и сама была сухой. Видимо, вся изгорела изнутри и касалась его своим остаточным теплом... Под эту руку вспомнилось слово-идиот: дефицит. Он не знал, что оно означает, но и у слова был вкус остатка тепла и жизни. От этого стало беспокойно, а потом просто страшно, потому что у изгоревшей руки было и другое имя - мама. И пришло сознание, что ему нельзя уходить раньше нее. Останется он - останется и она.

Другая рука была нежной и уже окончательно мертвой. Она сбивала его с толку, ибо приходила как бы из того, желанного им мира, где спокойно, легко и знание не несет боли, но он уже понимал - рука здесь, в мире страдания, то есть жизни, почему же она мертвая?

Третья, с нервными пальцами, чуть колючими, вызывавшими в памяти слово «ситро», была самая цепкая, самая держащая рука, вся из мира боли, она безжалостно тянула его к себе, но странное дело - в безжалостности каким-то непостижимым образом обреталась нежность... О взбрыки грубого мира! Все в тебе наоборот, но все по законам плотной материи, в которой кровь, мясо, кость... И все болит, болит, болит...

Когда еще они все явятся к нему в цвете и образе, когда еще...

К тому времени перестала приходить вторая рука, зато явилась в бессознании сама верная подруга Сулема, пришла и села на краешек кровати.

– Конечно, – сказала она, – по звериности своего эгоизма мне бы тебе тоже пожелать смерти. Все-таки мы с тобой хорошая компания... Я тут огляделась – свои своих держатся... но у тебя срок еще не вышел... Я узнавала... Ты еще помучаешься на грешной земле... Это мне оказали уважение, поняли, что я без своих женских индивидуальностей заскучаю с живыми... Они меня и прибрали... Ты поломан, но не сломан. Потому держись...

Сулема испарилась, а он все вспомнил...

Потом его возили на креслице, то мама, то Нелка. Потом он стал замечать некоторую нервность врачей и долгие коридорные переговоры с его женщинами. Все оказалось просто – надо было его забирать и долечивать дома. Дело предстояло длинное, а бесплатная медицина уже кончилась.

Леон Градский – такая везуха – подоспел: мол, думать тут нечего, он скоро уезжает на полгода в Иллинойс, поэтому им надо поселиться у него на даче, правда, май и еще холодно, но есть буржуйка, которую он купил в девяностом, когда ничего уже не было, люди ждали холода и голода и скупали самоварные трубы для самодельных дачек, а ему обломилась настоящая буржуйка с роскошной заслонкой от какой-нибудь престижной голландки, захолодит – затопишь, не тебе чета, Юрай, люди топили, чтоб спастись... А над тобой ангелами зависли две женщины, из рук в руки тебя передают как какой-нибудь приз.

Что же до буржуйки, то она так и не пригодилась в их дачной жизни. Придуманная во времена плохие, печка все-таки оказалась дамой изысканной и не хотела есть то, что ей подсовывали. Тогда она воняла как-то нехорошо, вызывая краснела, и Нелка ее быстренько гасила, что называется, от греха подальше. Так что ни забитая нечищенная печь, которая служила им туалетным столиком, ни буржуйка в нашей истории не сыграют никакой роли. Правда, заслонка – да. Она побуждала к мыслям о более упорядоченной и теплой жизни.

Поэтому Юрай сидел на терраске, укутанный в одеяла, прилетали птицы – разглядывали, шебуршились ежики, вытягивали любопытные морды пережившие зиму брошенные кошки. Бессильный человек вызывал в них, видимо, чувство глубокого удовлетворения, как свершившееся отмщение за человеческую подлость. Мама подкармливала всю тварь, и было в этом некое замаливание, потому что мама кошек, например, не любила. Вспомнилось детство, как он принес котенка, как расстроилась мама, но терпела, терпела, а когда Васька ушел, чувствуя мамину неприязнь, в доме тут же стал жить щенок, любимый, единственный Рекс его жизни.

На даче появилась чужая женщина, медсестра. Она носила детские резиновые сапоги, детскую куртку из плащовки и детскую вязаную шапочку. Одним словом, маленькая и худенькая женщина, и он был потрясен, когда она оказалась сильной массажисткой и мяла и крутила его так, что будь здоров. Уколы же делала аккуратно, бесшумно и безболезненно. Она приезжала к нему из Мытищ, никогда не опаздывала и никогда не обижалась на погоду. Май был мокрый, ветреный, все жаловались и скулили, их же спасал рефлектор. Медсестра, ее звали Тася, протягивала к нему руки, и Юрай видел, как подрагивали в подсветке огня красивые пальцы женщины и узкая изящная ладонь. Подумалось, что у нее и ступни должны быть такие же, породистые и тонкие, как у балерины. И тут пришло письмо от тетки, та тревожилась, что так долго мамин дом остается без хозяйки. Теперь, когда косяком пошел беженец, это опасно, захватят квартиру чужаки с малыми детьми, как их потом вытуришь?

И мама, глотая слезы, засобиравалась домой. Вместе с Нелкой, его вроде и не замечая, они планировали день за днем лето: и как он будет оставаться один – надо привыкать, надо, и как будет оборачиваться туда-сюда Нелка, которая за работу держится двумя руками, а то, как и квартиру, потеряешь и не заметишь... К концу месяца погода начала налаживаться и потихоньку стали съезжаться дачники. Мама и Нелка очень ждали приезда самого близкого соседа, чьи окна смотрели на их терраску. Окна были все еще заколочены, но в день маминого отъезда приехали хозяева и сняли щиты. От Леона они знали, что сосед их именитый кинорежиссер, то тихий, что его как бы и нет, то такой разудалый, что хоть святых выноси. Но, в общем, мужик нормальный, с излишним самомнением, так ведь в их деле без этого нельзя, самомнение в этой профессии, можно сказать, заложено как составная часть. Жена его моложе лет на двадцать. Дочь, которую он снимает уже какой раз подряд, по всему видно – барышня бездарная и не киногоеничная, хотя в жизни славная деваха, ее бы пустить по другой тропе... Где-то в Америке живет сын режиссера от первого брака, отец от него, считай, отрекся, потому что уезжал сын во времена, когда такие номера добром

для остающихся родственников не кончались. Пришлось папе где-то публично казнить сына, как поступил в свое время Тарас Бульба. Это у нас всегда в большом количестве – и папы-Бульбы, и мальчишки-Павлики.

Когда режиссер снимал с окон щиты, он помахал рукой Юраю, тот ответил, как мог, со стороны это должно было выглядеть несколько неуважительно – слабое движение кисти. Поэтому мама, прибранная к отъезду, кинулась через двор к забору и что-то защебетала, защебетала, одним словом, режиссер еще раз помахал рукой, а жена его потом долго вырисовывалась в раме окна, разглядывая молодого полуинвалида. Юрай отметил, что соседка хороша собой. Ничего удивительного: разве режиссеры берут в жены некрасивых? «Это им запахло», – подумал Юрай. Но явление женщины в окне сделало свое таинственное дело, как-то бойчее задвигались руки и ноги, а прощаясь с мамой, Юрай даже проводил ее до порога и крепко обнял, отчего мама расплакалась, но, скорей, от радости, чем от печали отъезда. Вставание и хождение Юрая было намечено на следующую неделю – по стратегическому плану медицины.

Нелка поехала провожать маму, оставив на столе деньги для Таси, которая должна была прийти через час. Именно поэтому Нелка и уехала, зная, что на перехват ей идет Тася.

Юрай смотрел на окна режиссера, надеясь еще раз увидеть его жену, но она в окне больше не появилась, мелькнула яркой одежкой во дворе, и все. Потом у Юрая выспрашивали: во сколько это было? И Юрай называл почти точное время – восемнадцать тридцать. Минут десять как ушли мама и Нелка, торопясь к двадцатичасовому поезду, а до прихода Таси оставалось еще полчаса.

Дело в том, что жена режиссера не приехала на следующий день в Москву. Режиссер ведь, как говорится, слинял сразу после снятия щитов, оставив на жену все остальные постзимние проблемы – уборку, проветривание и прочее. Ей надлежало вернуться к вечеру следующего дня. Она не вернулась. Режиссер целую ночь злился на жену, которая оставила его без ужина и устроила себе слишком длинный уик-энд, но утром все-таки немножко забеспокоился и послал на дачу шофера. Шофер постучал в закрытый дом, потом подошел к забору и спросил у сидящего Юрая, не видел ли он хозяйку.

– Да, видел, позавчера... – ответил Юрай. – Вчера – нет, решил, что они все уехали.

– Понятно, – буркнул шофер и поехал назад, но по дороге смекнул, что время ему дали немеренное, вполне можно пожить и для себя. Подумал и свернул в сторону Ивантеевки, где обитала хорошая знакомая, с которой можно было встречаться от случая к случаю. Женщина на жизнь и мужчин смотрела просто, лишне не задумываясь.

Вернулся шофер уже поздно, позвонил шефу, сказал, что у него сел аккумулятор, он сто раз говорил, что пора его менять.

– А жены вашей, Иван Михайлович, на даче нету, наверное, приехала, да?

Иван Михайлович бросил трубку, твердо уверенный в том, что шофер до дачи не доехал вообще. Про Ивантеевку студийный народ знал, тут была задачка для первого класса. Поэтому и в эту ночь режиссер больше злился, чем волновался. Потому что знал еще одну истину: случись что плохое, оно бы уже его достало. Он позвонил дочери и сказал, что думает о материнском поведении, и вот дочь как раз забеспокоилась... У нее была своя машина, у режиссера тоже была, но он ездил на ней по крайней нужде: невозвращение жены вовремя крайним случаем не считалось. Что потом и вызвало возбуждение у разных любопытных. «Баба пропала, а ему хоть бы хны...»

– Папа, я съезжу на дачу, – сказала дочь.

– Ты сошла с ума! – закричал отец. – На ночь глядя! Мать твоя просто загуляла...

Что тут возразишь? Ольга Петровна хоть была женщиной в полном порядке, но иногда... Редко, редко... Раз в год или в два... С ней это случалось. Она закрывала двери и окна и оттягивалась... Это было тихое, закрытое пьянство, без компаний и соглядатаев. Наедине с собой. В течение двух-трех дней она проходила все ступени запоя, выходила из него сама, сама убирала за собой все безобразия, выкидывала бутылки, принимала контрастный душ. Два дня пила после этого крепкий куриный бульон. И вперед! Правда, старела в эти дни лет на десять, поэтому для всех у нее была «почечная колика», которая умучивает так, что слабо не бывает, но он-то знал. И дочь, Светка, знала тоже. Но зная, они не злились на Ольгу, более того, они ее уважали за то, что тайный порок ни разу наружу не вылез. Это ж преподавать надо как образец поведения, тем более в такой пьяной стране, как наша.

Но Светка в тот вечер все-таки поехала. Она открыла своим ключом дачу и нашла все московские материны причиндалы, без которых та никуда бы не уехала... В соседнем доме горел свет. Светлана отодвинула доску в заборе и постучала к Юраю.

Они впустили ее, Юрай и Нелка.

Нелка всплеснула руками: это же сколько времени прошло! Но тут же поправилась:

- Если бы что случилось...

- Вот и папа так говорит, - ответила Светлана. - Но только не могу взять в голову, у кого она и где...

Девушка подумала с тревогой, вдруг у матери произошли какие-то коренные изменения в поведении и на этот раз она предается своему греху не одна? Может такое быть? Может. Но не будешь же говорить об этом малознакомым людям? Не будешь... Если случилось такое, то надо подождать еще денек... Мама встряхнется... И объявится.

Юрай предложил позвонить по «несчастному телефону» - вдруг шла, оступилась, ударилась, кто-то взял ее и отвез в больницу... В первую попавшуюся.

- Она была во дворе одетой, - вспоминал он. - Не просто выскочила во двор, а как бы собралась...

Вот тогда они с Нелкой и определили время - восемнадцать тридцать.

- Ладно, - сказала Светлана, - я переночую тут, не поеду в ночь.

Ей предложили поесть, но она отказалась, сказала, что мама включила холодильник и забросила туда харч, мама в этом смысле особа предусмотрительная - еда должна человека ждать в любом месте, где он может ненароком оказаться. Такой у нее закон.

– Хороший закон, – одобрила Нелка.

Светлана не сказала, что в холодильнике было и спиртное, полный набор в спецотсеке. Но все непечатое.

– Время, конечно, гнусное, – сказала Нелка после ухода гостя. – Но ведь был еще почти светлый день.

– Плохая история, – покачал головой Юрай.

– Брось, брось! – закричала Нелка. – Это в тебе еще сидит и не вышло то, старое... Согласись, по закону вероятностей не может рядом с тобой снова начаться какое-нибудь новое безобразие. Не может! Иначе я буду думать, что ты как черная дыра... Втягиваешь в себя беду...

– Это мне ни к чему, – заметил Юрай.

На том и согласились. Проснувшись утром, Нелка посетовала:

– Я балда, надо было у девушки спросить, когда она собирается назад, в Москву... Проехалась бы с ней, как барыня, на машине. – Она выглянула в окно: машина стояла во дворе.

– Ну сходи, узнай, – предложил Юрай.

– Да нет уж! – вздохнула Нелка. – Богемная публика спит долго, разбужу раньше времени, рассержу, в аварию влезем... Не судьба мне быть барыней...

Они позавтракали, Нелка оставила деньги для Таси, поцеловала Юрая и исчезла за деревьями. День обещал быть хорошим, и Юрай наметил себе программу: чуть-чуть походить по двору. Он попросит Тасю, чтоб та, если сможет, задержалась и подстраховала его.

Тася, как всегда, явилась как штык. Ровно в девять. Она вылезла из своих детских одежек и облачилась в джинсовую юбку из хороших, клетчатую мужскую рубашу, завернутую в рукавах, китайские кеды. На голове лежал пластмассовый ободочек, который как бы делал ее ниже и плоше. Юрай возьми

и скажи:

– Вам, Тася, пошла бы высокая прическа, вы себя недооцениваете...

Он почувствовал, что женщина как бы закаменела, а потом повернула свое простоватое лицо и сказала:

– У меня на голове три волосины. Их ни в какую прическу не соберешь...

– А вы их как-нибудь возбудите, – уныло продолжал глупый разговор Юрай. Действительно, три волосины, да еще и не очень чистые, прямые пряди безнадежно обвисли, отрицая всем своим видом возможность кудрявиться и как-то там подыматься вверх... «Голову надо чаще мыть», – подумал Юрай, испытывая это проклятущее состояние: сам полез, куда тебя не звали, и теперь винишь того, к кому полез... Короче, Юрай решил, что ни о чем просить Тасю не будет. Не та ситуация. Она же сделала свои дела, аккуратно взяла деньги из-под сахарницы и ушла, оставив Юрая с чувством неловкости и собственной дури. Именно поэтому он крикнул ей вслед:

– Звонила мама, передает вам привет!

Тася остановилась возле режиссеровой дачи, повернулась, кивнула головой и побежала дальше, а он отметил, что машина как стояла, так и стоит, а значит, Светлана все еще спит, но теперь, после его крика, проснется, надо будет попросить у нее «пardonу» за шум в неурочное время.

Вот чтоб ее не прозевать и повиниться, он и сделал три шага вниз с крылечка. Сошел на землю. Сам...

«Идиот! – подумал он. – А как взберусь назад?» Но некто другой в нем радостно толкался и говорил: «Ходи, дурак, ходи! Само не пойдет, само ничего не делается...»

А когда сошел, тогда только и спохватился, что палочку, с которой ходил по комнате, он оставил там, на террасе, на невообразимой высоте трех ступенек крылечка. Уцепился за перила, а палочку, кретин, забыл.

Он добрел до штакетника и теперь уже уцепился за него. В режиссеровом окне отсвечивалась их рябина, и это была красивая как бы гравюра, она затягивала в серебряную черноту и завораживающе холодила. Из-за того, что он так бездумно спустился на землю, теперь придется ждать, пока проснется соседка и окажет посильную помощь, Юрай присел на замшелый пенек, подставив лицо набирающему силу солнцу, откуда-то из памяти выползло знание, что майское солнце полезное. Полезное-неполезное, кто знает, но приятно оно, безусловно. Почему-то вспомнились Тасины красивые руки, тоже нежные и сильные. Вообще о Тасе хотелось думать, об ее «некомплектности». Женщину как бы собрали из чужих остатков, свинтили крепко, чтоб не рассыпалась, но в стыках чуждых деталей у нее должна была сидеть боль... «Какая чушь, – засмеялся Юрай. – Заурядная тетка с нечистыми волосами, у которой красивые руки. У каждого есть что-то свое, красивое». Перекинулся на соседку, Светлану... Ее мать он видел в этом окне, где сейчас стынет рябина. Она показалась ему очень... Дочь и малости не взяла у матери. Просто розовая телка. Куда, интересно, делась мать? Да никуда не делась... Спрыгнула где-то на дороге. Леон, инструктируя их по дачным делам, рассказывал, что режиссер по молодости был ходок, пока не напоролся на Ольгу, которая каким-то ей только известным способом это дело поломала, ввела греховодника в берега, однако последнее время, говорят, погуливала, но больше в поездках на море и в горах, так, чтобы тут шлейфа не тянулось.

Солнце прижаривало, надо было уходить в тень, да и соседке пора бы уже проснуться, ну сколько спят молоденькие артистки, если легли вовремя? Вон его Нелка давно на работе.

Юрай взял хворостину и стал щекотать соседское окно. Оно уже не казалось гравюрой, было просто серым и тусклым, и рябина в нем не отсвечивала. Стекло слегка позвякивало, но рука Юрая быстро устала, пришлось бросить эту романтическую побудку сонной девы.

Юрай добрел до крылечка и уцепился за перила, надеясь подняться в дом. Беспомощность и жалкость тела вызвали в его душе такой гнев и злость, какие были тогда, раньше, когда он с голыми руками шел на Лодю и Лодю. Получалось, что они его все-таки достали. Пусть их нет, но и его, слабого, считай, нет, зацепили они его своей лапой и еще подумаешь – чем полубыть, не лучше ли не быть совсем?

На крылечко гнев и злость поднять его не сумели. Пришлось присесть на приступочку, чтоб унять сердце. «Где же ты, зараза? – думал он о Светлане. – Сколько же можно спать?»

Тревога пришла, считай, сразу за этим. Потому что вдруг, секундно, возникло ощущение мертвости и дома, и стоящей на солнцепеке машины, и ошпаренных высоким солнцем окон.

Юрай встал и, опираясь на обломок сырой заборной доски, поплелся в соседний двор. Это было долгое путешествие. С привалами, поисками ровного пути, обходами опасных мест в виде корыта с застывшим раствором, в который каким-то непостижимым путем жизни уже вонзилась трава и дала белесый росток. Машина оказалась горячей на ощупь и густо пыльной на вид. Крылечко у режиссера было выше юраевского, но куда более разумного строения: ступеньки ниже и шире, они как бы стекали под ноги, и Юрай, уцепившись за гладкие и теплые перила, понял, что уж сюда-то он поднимется. Дверью прищемило кусок толстой и пестрой портьеры, и Юрай подумал, что, скорей всего, дом открыт, не может дверь закрыться, имея в прихвате столько лишнего. Но это он думал, осторожно преодолевая удобные ступеньки, до самого входа было еще далеко. Он молил Бога, чтобы стук его неуверенных шагов проник в дом раньше, чем он доберется до двери с прищемленной портьерой. Но было тихо, если не считать его собственного свистящего и ухающего дыхания.

Толкнув дверь, которая действительно оказалась незапертой, Юрай громко крикнул в жаркую от солнца глубину дома:

– Светлана! Где вы там? Я ваш сосед!

«Ну вот, – подумал он, не получив ответа. – Я должен идти дальше... Но я не хочу... Я не хочу ничего увидеть... Со мной уже это было... Было...»

Он увидел ее издали, не переступая порог спальни. Белое удивленное лицо с открытыми глазами и ртом. Оно было повернуто к Юраю с немым вопросом или, скорее, с недоумением.

«Ничего нельзя трогать, – подумал Юрай, – я и так прилично наследил». За его спиной остались прихожая и столовая с большим круглым столом. У него тогда

возник выбор, идти ли налево или направо – в спальни, он выбрал и пошел налево. Окно в комнате справа выходило в их двор. Когда-то, сто лет тому назад, он увидел в раме этого окна красивую женщину, что не вернулась домой. Теперь не вернется домой и дочь этой женщины.

«Лучше бы я умер, – отчаянно подумал Юрай. – Но я жив, а вокруг меня по какому-то неведомому закону умирают и исчезают женщины. Если это продолжение той, казалось бы исчерпанной, истории, то это уже мистика. Если что-то новое, то мистика еще пуще. Мне надо вернуться на свою дачу и сделать вид, что меня тут и близко не было».

Он едва добрался до дверей и открыл их. На пороге стоял парнишка и аккуратно тер подошвы ботинок о вьетнамский коврик.

– Здравия желаю! – сказал он и уточнил: – Вы тут находитесь?

– Да нет, – ответил Юрай. – Скорее нет...

– Ну, конечно, – засмеялся парнишка. – Это я ляпнул. Я с почты. Звонил Иван Михайлович Красицкий. Просил сходить и узнать, все ли у него в порядке на даче. А я по жаре шел, и у меня шарик за ролик заскочил. Спрашиваю, вы тут находитесь? А где же еще, если я вас тут нахожу?

Парень весело смеялся над собственной дурью, а у Юрая сжималось сердце. Так уже когда-то было у него в другой жизни – милый парень-милиционер, ну и где он сейчас?

– Все плохо, почтарь, – сказал Юрай. – Так плохо, что лучше бы ты сюда не приходил. Да и я тоже. Там, в спальне, труп дочери Красицкого. Я – сосед. Ждал, ждал, когда она проснется, и тоже решил проверить...

Ну что поделаться, если в глазах у парня полыхнул восторг? И не смог он его скрыть, не смог, и хоть уже через секунду восторг был весь поглощен ужасом, но, как говорят дети, первое слово дороже второго. Юрай понимал и сочувствовал парню. Что в его, человека с захолустной почты, жизни могло потрясти и удивить? Даже прапраямщик парнишки и то имел некоторые потрясения на зимней дороге, а какая у этого, востроглазого, дорога? Какие на ней страсти, кроме возможности столкнуться с пьяным соседом, когда несешь

пенсию одноногой старухе, что живет возле старой запруды. Ну пойдет он на тебя с дрыном по причине тоски и ненависти, ну убежишь... Вся деревня жила фактом существования на их улице Красицкого. И это было во-первых, во-вторых и в-третьих. Появлялись известные актеры. Временами выпившие. Это было самое то! Они казались в этом состоянии такие свои, такие доступные, такие понятные, мочились прямо в молоденькую елочку, радуясь силе струи и ловкости попадания. С ними можно было запросто. Они сами обнимались, первые... Он, Коля Валов, даже однажды снимался в массовке, стоял на бугре возле речки в белой рубахе навывпуск, рубаха пучилась на спине от ветра, и сам Красицкий кричал оператору: «Захвати этого с рубахой, захвати...» Но ветер, дурак, возьми и стихни... В кадре он мелькнул, но без пузыря на спине. Просто стоит некто в белой рубахе навывпуск, а зачем?.. Коля придумывал историю, когда бы камера пошла на него и пошла, взяла крупно, и все бы увидели... Он смутно себе представлял, что могло бы быть, какая такая видимость открылась бы народу, но какая-то открылась бы... Коля в себе подозревал что-то мятуще-клубящееся, что-то шерстяно-меховое, эдакое не скажешь словами, разве что бровью, каким-нибудь ее изгибом намекнешь.

За набухание в себе мечты Коля любил лето. И ждал его. Поэтому и примчался сюда как оглашенный, ведь личных поручений от Красицкого раньше не поступало. Это ж какая пруха!

Сейчас Коля снова ощутил себя на бугре, когда ветер дыбит рубаху, а камера наезжает на него, единственного.

– ...Это, парень, не кино, – как почувствовал Юрай, опуская парня на землю, – это очень может быть и убийство... И мы с тобой стоим на месте преступления... Два идиота...

Коля рванул было в дом, но Юрай его придержал.

– Посмотри издали... С порога... Нам надо милицию звать... И лучше ничего не лапать...

Открыв рот, Коля смотрел на лежащую с недоуменным лицом девушку, еще не ведая эффекта отторжения самого факта смерти, который сидит в каждом живом теле. Колю вытошнило на порог спальни, и он, не ожидая этого, испугался, что замарал квартиру, что теперь в ней плохо, можно сказать,

отвратительно пахнет, получается, его, Колиным, нутром.

– Я сейчас все вытру, – сказал он испуганно Юраю, выскакивая на крыльцо. – Я сейчас...

На блевотину слетались мухи. Юрай сдернул со стола скатерть и накрыл ее. Раскрытый стол с выщербленной по краям столешницей как бы завершил картину трагедии. Благополучная дача стала не просто жутким местом смерти, а еще одним знаком беды, которым полным-полна наша земля...

«Гиблое дело, – подумал Юрай. – Если тут нечисто, я вполне могу быть подозреваемым. Меня, можно сказать, застали...»

Коля побежал в милицию, и Юрай успел сунуть ему телефон Леона, очень надеясь, что тот еще не уехал. Удивительным было другое. Он спустился с крыльца Красицкого. Он добрал до своей дачи. Он поднялся по неудобным ступеням в дом. И теперь уже ни одна сволочь не смогла бы настаивать на его физической немощи. Немощь как бы кончилась. А ведь еще утром была Тася (вот она только и подтвердит!) и делала ему уколы и массаж, и он едва-едва встал, чтоб крикнуть ей вслед привет от мамы.

А вечером того же дня один из приехавших из Москвы милиционеров, ожидая «рафик», который должен был их забрать, гулял в окрестностях поселка, так гулял, без смысла, радуясь лесу, теплу, запаху... Вот на запахе его и притормозило возле поваленной грозой еще позапрошлым летом сосны. Не тот пошел дух. Под черными ветками дерева что-то краснело. Это был труп, едва присыпанный лесной падалью из листьев, шишек, ветвяной мелочовки... Он был небрежно подсунут под большую сосновую мертвую лапу, его прикрыли-то едва-едва, как говорится, не чтоб спрятать, а чтоб найти, и сейчас он всю о себе заявлял начинающимся смрадом и выбившейся из-под земли красной курткой.

Помощница Красицкого по актерской части, Анна Белякова, которая тоже ждала «рафик», опознала в лежащей под сосной женщине жену режиссера.

И это – смешно сказать – отвело беду от Юрая. Кто-кто, а он убить Ольгу Красицкую не мог никак. С дачи не выходил, ручкой едва махал, Ольга же была задушена очень сильным человеком. Таких сил у Юрая, даже в горе как бы воспрявшего, быть не могло. И хоть на теле Светланы никаких признаков насилия не было, но думалось, что две смерти существуют не по отдельности. Что-то их объединяет, должно объединять, но, слава богу, не Юрай.

Хотя приехавшая бригада из головы его не выбрасывала и говорила о нем с подозрением.

– ...Странный мужик... Чего поперся в соседний дом? И руки у него трясутся... С чего бы... Все время торчал тут не по делу...

– ...Я слышал – за ним уже была какая-то история... Не то он украл, не то у него украли...

– ...Да не надо это путать... И так безнадега, а если еще топляк зацепим... Вообще, ежели у барышни сердечко лопнуло, а маму придушил бродяга, то дело запечатают... Не повод суетиться... Пустой номер. И не такое лежит мертвым грузом...

– Твое счастье, Юрай, – сказал примчавшийся перед самым самолетом Леон, когда дело Красицкого таки задвинули в сторону.

– Ты так говоришь, – кричал Юрай, – что начни они искать по-настоящему, то меня бы и нашли? Да?!

– Тебя бы и нашли. Когда близко никого нет, ты ничем не хуже других подозреваемых. Ничем!

Чувство страха настигало Юрая неожиданно, что называется, в самый беспомощный момент. Стоит, например, возле ручомойника, полуголый и чистит зубы... И он, страх, бьет его по согнутой шее, когда он сплевывает воду ли... тошноту... Он понимал, пока не развяжется узел преступления, никуда это не уйдет, никуда.

Если бы он был здоров, если бы... Он бы вынюхал, выследил все вокруг, потому что знает единственную истину жизни: помоги себе сам.

Три недели они с Нелкой ждали. Всего, чего угодно. Но было тихо и тепло. И даже Красицкий не приехал. Дом стоял закрытый и как бы обреченный. Юрай выходил на террасу, и ему казалось, что в окне напротив все еще стоит красивая женщина и смотрит на него.

А потом приехала студийная машина. Анна Белякова по-хозяйски засучила рукава и с помощью мужичков-киношников стала мыть машину Светланы, которая так и простояла все это время во дворе. Начинили они работу молча и мрачно, но необременительность дела на свежем воздухе совершила свой терапевтический эффект, и уже возник веселый переговор, а потом лошадиная ржачка, в конце все скрылись в доме и оттянулись же в вольную радость. Веселые и довольные загрузились киношники в машину, а за руль Светланиного «жигуля» села Анна, так и уехали гуськом. Нелка ходила к ним узнать, что и как, и ей сказали, что у Красицкого предынфаркт, что женщин похоронили хорошо, что вскрытие обнаружило у дочери остановку сердца, но не на ровном месте, а на месте давнего детского порока, а жену погубил некто, скорей всего, неместный, а проходящий мимо бандит. Должно быть, он потребовал деньги, а денег у Ольги не было, ну и рассердился проходящий на женщину, что гуляет по лесу без денег. Такая сказка про Красную Шапочку. Прилетел из Америки сын Красицкого. Но что сын? Ну посидит с отцом день-два-неделю-вторую, но у него своя жизнь, свои дела, и тут ему уже не родина. Вот даже на дачу ехать не захотел. Их снарядил.

- Вы тут осторожней, - сказала Анна Нелке. - Теперь сволочей вокруг бродит...

На другое утро они повторили это Тасе, чтоб остерегалась и ходила по тропе хоженной. Та махнула рукой: «А! Что с меня взять?»

Вообще оставалось всего два ее посещения, и Нелка думала о том, что надо бы Тасе сделать какой-нибудь недорогой подарок. Деньги деньгами, но ведь она была и точной, и внимательной, и ловкой, а это уже как бы и выше денег.

- А что если купить ей хорошие перчатки? - спрашивала Нелка.

– Купи, – отвечал Юрай. «Месяц прошел, – думал он. – И мы покупаем перчатки... Жизнь перемалывает смерть... Казалось бы, хорошо... Так ведь нет!»

Тася очень смущалась и перчатки брать не хотела, а когда они настояли и заставили их померить, вытянула вперед руку, как бы разглядывая ладонь издали, и Юрай подумал, что в самой обыкновенной, что называется простой, женщине обязательно есть тайное изящество, тайная стильность, готовая проявиться неожиданно, мгновенно и оглушительно. Жест Таси был именно такой. Так могла примерять перчатки принцесса Диана, а не поселковая медсестра.

Юрай что-то подобное и ляпнул, в словах это получилось не очень ловко, подчеркнулась не «принцессность» Таси, а то, что она никто и звать никак. Нелка гневно стрельнула в него глазом, Тася торопливо стащила перчатки. Нелка сказала, что Диана вообще типичная коза с виду, просто наряд на ней играет.

Тася заторопилась, засуетилась и ушла быстро. Получалось, что они ее смутили, а ведь хотели с ней договориться о следующем разе, хоть Юрай, слава богу, поправляется, но вдруг еще понадобятся уколы или там массаж...

– Как-то неловко вышло, – огорчилась Нелка, а Тася возьми и вернись... Они даже растерялись, увидев ее на крылечке.

– Ой, Тася! – закричала Нелка. – Как хорошо, что вы вернулись.

– Я узнать... – сказала Тася, – вы еще тут надолго?.. Вдруг понадобится...

– Вот именно, вот именно... – затараторила Нелка. – Мы как раз об этом думали, Тася! Вы же видите... Может, и надолго... До конца лета точно, а если будет хороший сентябрь...

Тася закивала головой.

– Ладно, я буду навещать...

Нелка потом разразилась тирадой об отзывчивости простого русского человека, в отличие от человека русского, но траченного высшим образованием.

– А ты думай, когда говоришь комплименты, – укорила она Юрая. – Женщина слова про тайное изящество слыхом не слыхивала, могла подумать, что издеваешься... Бабы ведь, знаешь, какие обидчивые...

Юрай же помнил этот жест рукой, красивый, изысканный, с каким-то царственным движением пальцев... Ну правда же! Откуда что... От каких прапра... Намешано в нашем народе, намешано. И княжество плещется в нас пополам с лакейством... Такая мы физическая природа от веку.

Когда долго хвораешь, лучшая игрушка – мысль. Вот уж с ней не соскучишься. Она сопровождала Юрая в его неспешных прогулках по проверенному маршруту, который пролегал теперь и по соседнему режиссерскому двору, пустому и заброшенному. Юрай научился отдыхать на лавочке возле веранды режиссера. Это было теплое заветренное место. Потом он шел вокруг дома и останавливался возле большой садовой скамейки, которая стояла у стола для пинг-понга. Здесь всегда была тень, здесь был север дачи. Здесь он и обнаружил когда-то, видимо, существовавший второй вход... Остались следы старого крыльца, может быть, с кокошником, который сняли по причине его старости и гнили. Вообще с этой северной стороны дача режиссера была изношена как бы больше. Тень и холод тихонечко чернили дерево, а потому старое крыльцо и сгнило раньше. Осталось в стене окно-дверь. Переплет окна явно был новый, а низ двери старый, зеленоватый. К двери плотно прилегал кусок бревна, как бы сход. Юрай понял – когда дача была полна народу, то дверь эта могла открываться, и, возможно, дочь режиссера бегала на свидания напрямик из спальни по бревнышку или, наоборот, к ней ночью можно было легко войти... В воображении Юрая дом ожил, заговорил, здесь стало весело и романтично, ночные свидания были наполнены лукавой тайной прелестью...

Юрай как-то подошел к бревну, подняться по нему он еще не смог. Он сам не знал, что ищет вокруг, но с этим уже ничего нельзя было поделаться – вновь возник этот ниоткуда взявшийся внутренний зуд-водило и сказал ему: ищи. Юрай палкой-тростью, с которой теперь не расставался, лениво шевелил старые сухие листья вокруг дачи, от обнажающейся земли пахло сыростью и крепким грибным духом. Она лежала тут же, рядом, она была подсунута под бревно так ловко, что никоим образом не влезала наверх, она обреталась как бы на своем

законном месте – кочерга. Юрай взял ее в руки, как будто знал, зачем и как... Это было элементарно подцепить старую забытую дверь. Она только чуть звякнула стеклом и открылась почти бесшумно. Из дома потянуло горячим застоявшимся воздухом нежилого дома. Кровать Светланы стояла изголовьем прямо к двери. Как же так можно оставлять дачу, если ее открыть – раз плюнуть? А из их дома эта дверь не видна, может, сюда уже и вадились любители чужого... Но Юрай знал – не вадились... Это он думает поверхностную формальную мысль. Ворье, конечно, войти могло, могли кокнуть окно, выдавить дверь, но наличие кочерги под бревном – это уже тайное знание. Юрай разглядывал дверь и понимал, что был один способ ее поддеть – его, Юраев, способ, но он у него сложился не мгновенно, не с налету, он ведь как бы вычертил его на бумаге, он создал его в проекции. Одним словом, он знал, что хотел, когда нашел кочергу. Юрай так же, кочергой, прикрыл дверь и положил ее на прежнее место. Он понял, что это его знание требует от него дальнейших поступков и мыслей, но всем своим поломанным, больным и едва не убитым телом уже протестовал, знал, что надо уйти с этого места и никогда больше к нему не возвращаться. Ему нет дела до тайных ходов в дом Красицкого, тем более, что трагедии, произошедшие в его семье, никоим образом к кочерге дела не имели. Ольгу задушили в перелеске, а Светлана умерла от сердечной недостаточности. При чем тут маленькая деревянная дверь в стене? Пиши детектив, Юрай. На больном досуге самое то. А в жизнь, пахнущую грибами, смертью, затхлой пылью, ржавчиной, звучащую стеклом, комариным писком, скрипом дверных петель, не влезай. Не твое собачье дело.

Но остро хотелось узнать: они были смазаны или нет? Петли? Почему так бесшумно открылась старая дачная дверь, которой просто полагалось взорвать тишину ночи. Юрай подошел вплотную к стене дома. Нижние петли оказались на высоте его груди. Они были жирно смазаны, от души, по желобу стекал ручеек. Масла на петли не жалели, их не смазали, просто полили. Смешно же подумать в наше время, что взрослая молодая женщина Светлана готовит дверь для любовника тайком от папеньки и маменьки? Да и не было ее на даче. Приехали родители, сняли с окон щиты, вот он тут стоит рядом со стеной, щит. Красицкий уехал, его жена задержалась, вышла погулять в лесок – кстати, зачем? Задавал этот вопрос кто-нибудь или нет? Там и осталась... Потом приехала обеспокоившаяся дочь и осталась тоже. Надо ли было ей смазывать старые петли?

Юрай понимал, что все его мысли, как сказали бы в Одессе, «значения не играют». Что это он сам себе устраивает боль на голову, и теперь главное не проговориться Нелке, потому что кончиться это может одним – она просто

увезет его отсюда.

И вдруг, сам того не осознавая, из потрохов, из тайного глубинного страха, Юрай почти крикнул:

– Увези! Христом Богом прошу, увези!

– Чего это вы? Сами с собой.

Там, где кончался стол для тенниса и где всю начиналась смородина, по пояс в зарослях стоял тот парнишка с почты. Как его там? Коля? Он смеялся над Юраем, который со всех нормальных точек зрения выглядел как идиот: стоял у чужой дачи, размахивал палкой и произносил какие-то слова, похожие на любимую песню Коли: «Увези ты меня в Гималаи». Коля от этой песни, как теперь говорят, тащился, а ноги певицы Маши Распутиной его вообще приводили в состояние легкого помешательства. Выше пояса – нет, он мечтал о другой женщине, но ноги... Ноги должны быть Машиными. Коля был этим озабочен и озадачен сразу. Он понимал несоразмерность собственного положения в мире и собственных же притязаний. Дураком Коля не был, но и большой умницей не слыл. Это гнусное, скажу вам, межместье... И Коля уже отрастил приличный комплекс неполноценности, хотя не подозревал, что это называется именно так. Парень злился на почту, родителей, свою физическую слабость – он был сильно близорук, но очки упрямо не носил и мечтал о том, как однажды понадобится случаю жизни и все сделает тогда так, что никакой другой не смог бы, имея и других родителей, и другие глаза, и другую работу. Коля, как истинно русский человек, мечтал о чуде, но крутился не возле бочки с пивом, а возле дачи режиссера. Потому как ему если и есть что вспомнить, то именно тот момент на бугре с рубашкой пузырем.

Колю несколько удивило, что сосед Красицкого бродит не в своем дворе. Нечего ему там делать. Но сосед шкандыбал к нему со своей палкой, и лицо у него было нормальное, не похожее на лицо нарушителя территориального пространства, и пока Юрай шел, Коля его простил, потому что калеке гулять трудно, вот он и бродит между двух сосен в прямом смысле слова. Две старухи-сосны действительно торчком торчали – одна на режиссерском дворе, другая в соседнем. Это был опознавательный знак от самой станции. «Где живет режиссер?» – «А вон, видите две сосны?» И люди шли...

– Брожу вот, – сказал Юрай. – Так сюда никто и не едет. Не ровен час и обворовать могут...

– Это запросто, – согласился Коля. – Каждый день что-нибудь тащут...

– А дачка хороша, – вел свою тему Юрай, – из старинных, на два входа...

– Не... – покачал головой Коля, – ход один.

– А по моей мысли, – осторожненько говорил Юрай, – с этого боку должно что-то быть... Крыльцо какое-нибудь, террасочка...

– Не было, – твердо сказал Коля. – Они давно тут живут... Я еще дитем был...

– Ну, значит, это моя фантазия, – засмеялся Юрай. – Я вообразил себе ход и свидания через него...

Коля весь аж вздрогнул. Такая тема! Но сказать что-то в масть не хватало ни слов, ни фактов. Он во двор режиссера зван не был, а когда сюда наезжало много народу и стучал по пинг-понговому столу шарик: «щелк-щелк», «щелк-щелк», то он стеснялся подходить близко и смотрел со стороны сараев тетки Кравцовой, высадившей по периметру двора какую-то гадостную траву от дурного влияния, которое шло, по ее разумению, от Красицких. У него, Коли, когда он приходил к сараям тетки и смотрел на смутные по причине близорукости фигуры, начиналась крапивница от той самой травы, которая была высажена как бы от дурного глаза. Вот она вся и внедрялась в Колю, подглядывающего и влюбленного в зло мальчонку, которого даже волдырем на коже нельзя было отсюда прогнать. Коля все это вспомнил одновременно и тут же увидел в близоруком своем мареве длинную-длинную белую занавеску, что взлетала по ветру как раз в этом месте, где Юрай плохо прикрыл тайную дверь. Действительно, у открытых окон не бывает таких длинных занавесок. Из стены дома, как длинный шарф, билась на сквозняке штора.

Если была штора, то была дверь и были свидания. Коля с замиранием сердца подошел к стене дачи и взошел по бревну.

– Да, – сказал он. – Действительно. Вон и кровать видна Светланы-покойницы. Если размышлять дальше, то и убить ее было легко. Но у нее, конечно, остановка сердца. А если от испуга? Можно ведь напугать до смерти? – Юрай вспомнил лицо Светланы. Простоватое в жизни, в смерти, в потрясении конца, оно обрело загадочность и освобождение от простоты как свойства ложного. Но ведь должно быть все наоборот! Смерть вносит ясность, ясность – простота... «Фиг вам, фиг вам!» – думал Юрай.

– Не бери лишнего в голову, – сказал Юрай Коле, но больше себе.

– Вообще-то, – ответил Коля, – я до черта близорукий. Мне все лица – пятна. Мне, чтоб разглядеть кого, надо надевать очки. Но я не люблю. У меня в очках лицо придурка. – Коля достал из кармана старые, почти старушечьи, очки и надел их. Он действительно выглядел смешно. Лицо делалось еще более скуластым и как бы раздвигалось вширь, в нем одновременно возникало что-то лягушачье и в то же время свиное. Одним словом, смех, а не лицо.

– Тебе нужна другая оправа, – сказал Юрай. – Побольше и поярче. Я попрошу жену, чтоб она посмотрела.

Коля пошел кирпичным цветом. А то он не знал! Но не мог преодолеть примерку и разглядывание себя в зеркальце, и это постоянное удивление оптиков над нестандартностью его рецепта. Ну, виноват он, что ли, что два его глаза разбежались друг от друга так далеко, что никакая очковая перемычка ему не впору. Нестандартный он человек, хоть ты тресни, у них вся семья такая, как ни странно, и отец, и мать, с такими вот сбежавшими на окраину глазами.

Но сейчас, стоя на бревне в дурацких своих очках, Коля четко увидел дверь в стене и то, что она открывалась недавно, и подтеки смазочного масла от петель, одним словом, увидел все.

– Но ведь ее как-то зацепить надо, дверь-то! Например, ножом.

«В сущности, кочерга ни при чем, – подумал Юрай. – Можно и ножом».

– Надо позвонить Красицкому, – сказал Коля, – чтоб заколотил, а то получается смешное дело... Входи – не хочу.

На другой день на дачу приехала Анна Белякова. Вместе с шофером они приколотили щит на это место, видимо, Коля дозвонился, и, не заходя на дачу, уехали. Юрай было побрел к ним, правда, не очень отдавая себе отчет, зачем, но пока он на своей скорости преодолевал расстояние своего двора, машина развернулась и уехала. Анна равнодушно посмотрела на ковыляющего мужчину, но вступать в разговор явно не хотела. Кто ей Юрай? Кто она Юраю? Он проверил их работу, сделанную абы как. Гвозди были загнуты грубо, в дерево входили чуть-чуть, сорвать щит ничего не стоило, и Юрай ругнулся на все это привычным по этому случаю словом: «Ну что за мудаки? Или уж Красицкий совсем плох и из игры вышел, что нет резона стараться для начальника? Хорош народец, ничего не скажешь».

Задождало, и как и не было лета. На погоду заломили у Юрая ломаные кости, ночью хоть криком кричи. Чтоб не будить своим метанием уставшую от электричек Нелку, Юрай перебрался на террасу – соврал, что там ему лучше дышится, мучался ночами под шум дождика, засыпал к утру и, бывало, не слышал, как уходила на работу Нелка. В ту ночь ему особенно немоглось, надо было выпить таблетки, но стакан стоял пустой, значит, иди за водой в дом, а ноги стонали, стонали... Он уже не лежал, а сидел, думая, а что будет с ним потом? Какие сюрпризы выкинет его тело, уже сходявшее за грань и чудом извлеченное оттуда? Может, не так безобидны эти игры со смертью, даже если ты ее побеждаешь? Ведь, в сущности, то, что уходит, возвращению не подлежит. И в нем болит и всегда будет болеть эта жизнь-недожизнь и смерть-недосмерть, как бы знак из тех пределов, о которых здоровому не думается. Он увидел, что в доме напротив прыгает пучок света. Кто-то старательно уводил его от окон, но он выбивался из чьих-то рук, выскакивал на черноту стекла и секундно жестко слепил Юрая. В даче ходили по комнате, именно той, в которой он однажды видел красивую женщину.

Свой человек зажег бы свет, значит, там был не свой. Юрай вышел на крыльцо с намерением закричать и спугнуть фонарщика.

Но опять же Нелка... Проснется, вскочит, испугается и уже не заснет до утра, а потом целый день будет ходить разбитая и усталая.

Он пошел в ночь и в дождь, накрывшись белым полиэтиленовым дождевиком, что всегда висел на крючке у двери. Они называли его «пакет с рукавами» и старались не пользоваться без крайнего случая.

Ему казалось, что он поднял шум на весь поселок шелестом пакета и чавканьем резиновых сапог. Во всяком случае чужого он испугнул точно. На крыльцо дома Красицкого выскочила темная фигура и скрылась в черноте ночи. Через минуту Юрай услышал звук отъезжающей машины.

«Куда мне за ней!» – со злостью подумал он. И только тут сообразил, что в этой бездарной попытке хотел догнать не машину – женщину, что фигура в плаще, стремительно сбежавшая с крыльца, была «она».

Надо разложить ночное видение на части, на малюсенькие составные, надо что-то из всего этого вычленишь... Но что? Что в результате должно было выпасть в осадок, что подтвердило бы этот спонтанный вывод – там была женщина?

Он видел темный, размытый в пелене дождя силуэт в широком балахоне. И все. И ничего больше... Хотя нет... Еще звук шагов по четырем ступенькам. Крыльцо у Красицкого было расхлябанным. Он, Юрай, карабкался по нему, он знает. Половицы гнулись под ним, хряпали... В этот же раз скрипа крыльца он не услышал. По ступенькам сбегало легкое тело. Женское. Или мальчишечье... Между прочим, второе даже предпочтительней, именно подростки шныряют по пустым дачам... Хотя вряд ли поджидают их в ночи машины.

А на следующий день к Юраю пришла с поджатыми губами дальняя соседка Кравцова и сказала, что ночью какая-то машина помяла ей ограду и огород, стояла, уткнувшись носом в летнюю кухню, а когда делала эта машина задний ход, то сбила заборчик у курятника, и куда ей теперь идти жаловаться, если мир людей стал, прости Господи, раком и справедливости, даже малой, уже не найдешь нигде и никогда.

– Вы ночью, случаем, чего-нибудь не видели? – спросила Кравцова, глядя на Юрая пронзительно, как на возможного соучастника порухи во дворе. «Кто тебя знает, – говорили ее глаза. – Откуда ты тут взялся и зачем? А палочку в руки я сама любо-дорого могу взять и в землю ею тыкать, как больная».

- Нет, - честно соврал Юрай. - Я под дождик хорошо сплю.

- А не должен бы, - ответила Кравцова. - Под дождик больное болит пуще.

«Она ведьма, - подумал Юрай. - Знает, что я не спал, и догадывается, что видел что-то. Но ей не надо об этом говорить, не надо...»

- Запалят дачу, на твою прежде моей перекинется, - вздохнула Кравцова. - Ее уже раз жгли.

Соседка охотно рассказала, что было это давно, лет пятнадцать назад, а может, и все двадцать. С трех концов запалили дом, с севера, юга и запада.

- С черным замыслом, - объясняла Кравцова. - Треугольный огонь самый плохой, хороший человек так огонь не положит...

Юрай не выдержал, засмеялся.

- А если б с четырех сторон запалили, лучше было бы?

Кравцова посмотрела на него как на придурка и твердо сказала:

- Лучше. - Она же добавила: - Пожара тогда большого не случилось. Хозяин твоей дачи был на месте. У него народ гостил. Хоть и выпившие были, а затушили. Сгорело крылечко с северной стороны... Не сразу его заметили, сырое там место, не занялось огнем, больше тлело, чем горело... А люди кидались в первую голову на огонь живой, открытый.

Ну вот и открылась тайна северной двери. Там сгорело крыльцо.

- А злоумышленника нашли? - спросил Юрай.

- Господи! - воскликнула Кравцова. - Да кто ж его искал? Загасили и спасибочки. А на три огня все посмеялись вроде тебя.

- Да я не смеюсь, - ответил Юрай. - Просто ляпнул по темноте.

– Хорошо сказал. Именно по темноте... Три огня – это последнее дело... – И Кравцова ушла. Как бы даже гордо.

Юрай подошел к дому Красицкого. Следов во дворе никаких не было, и если б не Кравцова, вполне можно было бы решить, что приснился ему сон под дождик, только вот еще «пакет с рукавами» хранил в своих складках влагу ночи, висая растопыренно-глупо.

Наведалась в те дни и Тася. Юрай обрадовался ей, и она даже согласилась попить с ним чаю, но выяснилось, что чая нет, а кофе Тася не пьет, тогда Юрай надавил ей живой клюквы, залил кипятком, положил ложку меда. Тася сказала, что получилось что-то антихворобное, но она это выпьет охотно, замучили дожди и слякоть.

Юрай рассказал Тасе про ночную посетительницу. Тася взволновалась и разгневалась.

– Ну что за сволочи! Что за сволочи эти люди!

Тут Юрай вспомнил подходящую к моменту историю с поджогом «в три огня». Тася смотрела на него оторопело, как он недавно смотрел на Кравцову, и спросила так же:

– Три-то огня при чем? Может, просто бензина на четыре места не хватило?

Посмеялись над суеверием, и Тася предупредила, что с Кравцовой надо вести себя осторожно, она баба злая и мстительная.

– Хорошо, что у вас огорода нет, а то встали бы, а весь лучок ваш – тю-тю...

Расстались на том, что она придет еще через пару недель, когда Юрай побывает у врача и выяснит, понадобится ли ему еще что-то от Таси.

– Смотрите тут за дачей, – сказала Тася, кивая на дачу Красицкого, – а то, действительно, не заметишь – разнесут по бревнышку.

Тася ушла, а Юрай никак не мог сообразить, о чем он у нее не спросил. О чем-то хотел, а из головы вон. Это с ним теперь сплошь и рядом – забывчивость, а одновременно и другое: врежется какая-нибудь хреновина в память и колом ее оттуда не выкинешь. Сколько сидела у него Тася в своем затрапезном одеянии, а он все вспоминал этот ее жест с примеркой перчаток. Жест наповал. Даже пришла в голову мысль – написать что-нибудь мистическое о переселении душ, о том, как досталось бывшей королевне тело медсестры, и никоим образом ей в нем не проявиться, потому как жмет оно королеву со всех сторон раздутыми суставами, мощными костями, нешелковой кожей, когда-когда ей, аристократке, повезет нырнуть в достойную ее перчатку. Когда еще...

Юрай прямо-таки загорелся мистической темой. А что? Она сейчас вполне в ходу. Тут и Кравцова со своим треугольным огнем, и тайное посещение закрытых дач, и смерти, до которых как бы и дела никому нет... В конце концов, надо деньги зарабатывать, как там Нелка крутится, одному богу известно.

Да и писание – дело куда менее травматическое, чем сыск. Последний ему не просто вреден – противопоказан. И называться роман будет «Тайна лайковой перчатки».

В первый же сухой и теплый день Юрай решил прогуляться в лес, совершить, так сказать, первый пробный выход за околицу.

В лесу было сыро от долгих дождей, но сверху уже парило, кочегарилось вовсю, прогноз обещал жару и бездожде. Это получилось случайно, само собой, что он вышел к тому месту, где была убита жена Красицкого. К сосне был приставлен венок, увядший своей цветочной частью и бессмертный проволочным каркасом с черной лентой. Юрай удивился, как это близко от дачи, он своим тихим ходом потратил всего ничего – минут пятнадцать. Здесь, в сущности, был еще и не настоящий лес, а так, полуопушка после густого ельника, который притворялся настоящим лесом, а потом резко кончался, переходя в разнородеревье. Место было колдобистым, с пнями, поваленными стволами, и Юрай, приостановившись у венка, решил, что дальше не пойдет, потому что боится за ноги. Куда тогда шла Ольга Красицкая? Что там, за этим траченным временем местом? Дальний лес? Или краткая дорога куда-то? Тогда куда? Он ведь тут ничего не знает. Только направление на станцию. Но это в другой стороне. Ольга же пришла именно сюда. Пришла или просто шла мимо? Она ведь собиралась уехать, но пошла совсем в другую сторону. Зачем-то...

Юрай понимал, что тайна смерти Ольги спрятана в ответе на вопрос: что она тут делала? Но ведь никто его не задавал, а ему он и даром не нужен: ни вопрос, ни ответ. Он сочинит все вопросы и ответы в мистическом романе, а как было в жизни – ему по фигу.

В романе у нее тут будет свидание, потому что ничего романтичнее вообразить нельзя, хотя и других вариантов может быть бесконечное множество.

Кроме любовника ничего в голову не приходило. Но какой же надо быть извращенкой, чтоб встречаться с возлюбленным на иссеченной и закаканной вдоль и поперек местности, в то время как дача стоит пустая и тихая, а ближайшая человеческая особь – он, Юрай, – плохо ходящая природа, от которой никакой опасности. Стоит и смотрит в окно. Но смотрит же! Недвижные ведь совершает глазами все возможные переходы, недвижные – они ведь так шустры мыслью, что с ними опасно иметь дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/galina-scherbakova/skelet-v-shkafu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)